

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак —
Если Бог уже не пошлет любви,
Я согласен и так.

Я давно пылью ее опален —
Глеет боль в седине.
Я насквозь огнем ее опылен —
Пламя зреет во мне.

Если не пошлет, значит я готов
Уже просто за так
Согреть и ветер, и соловьев,
И холодный пятак.

ЗВЕЗДЫ

Стволов сосновых охряные нити
Между закатом и водой озерной
Натянуты, по ним звенит огонь,
Они дрожат, стекая в отраженье.
Молчи, кузнечик!

Нет, милый, пой. До головокруженья
Гляжу в небес открытую ладонь,
В которой к ночи прорастают зерна.
Стары, как мир. Но чем же заменить их?
Ничем. И нечем.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать ее себе —
Самодовольство мещанина.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты, — все слезет, как загар,
Излечится, как воспаленье.

И ты пройдешь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнувший скелет.
Белесый день и талый свет
К закату ближе — ровный, желтый.
Ты понимаешь все живей
Серьезность маленьких вещей,
Таких, как ракушка и желудь.

Как память бывших встреч, легки
Святые эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из желудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

